

Б. Н. Ковалев, К. М. Феферман

Исламский и тюркский факторы в нацистской пропаганде на оккупированной территории России (1941–1944 годы)

Введение. Пропагандистская машина нацистской Германии, координируемая Министерством народного просвещения и пропаганды, которым руководил Й. Геббельс, на протяжении всей войны прилагала значительные усилия для разъединения борющихся с нацизмом советских народов по «национальным квартирам». Предполагалось также, что разъединенные национальные группы должны солидаризироваться на другой, пронемецкой основе.

Важнейшим фактором такого объединения по замыслу немецких стратегов могла послужить религия. Они исходили из анализа предвоенного положения в СССР, когда наблюдался всплеск государственного наступления на религию¹. Следующим логическим шагом в немецком анализе стал постулат, что советская политика в области религии создала значительное количество недовольных, которые при должной пропагандистской обработке способны поддержать немецкий поход против «безбожников-большевиков».

В немецких расчетах ислам выглядел особенно слабым звеном в советской монолитной идеологии. Информация о недовольстве в среде советских мусульман поступала в Германию из эмигрантских кругов², подпитывалась она и пропагандистским аппаратом³. К этому надо

Ковалев
Борис Николаевич
д-р ист. наук,
вед. науч. сотр.,
Санкт-Петербургский
институт истории
РАН
(Санкт-Петербург,
Россия)

Феферман
Кирилл Маркович
PhD, ст. преп.,
Ариэльский
университет
(Ариэль, Израиль)

прибавить многочисленные и полные энтузиазма высказывания в нацистской Германии в предвоенные годы по поводу воинственности ислама, его схожести в определенном смысле с нацистской идеологией, наличия общих врагов (колониализм, большевики-атеисты, евреи) и, таким образом, существования серьезной почвы для сотрудничества.

В связи со сказанным представляется естественным упор, делавшийся на исламскую тематику в пропагандистской прессе, тиражируемой Германией на оккупированных советских территориях. Данная тематика, ее сочетание с другими элементами немецкой имперской политики, реализовавшейся в ходе Великой Отечественной войны, а также на других театрах боевых действий, — основной объект исследования настоящей статьи.

Другим важным компонентом немецкой пропаганды на оккупированных советских территориях, пересекающимся с исламской тематикой, являлось педалирование тюркского фактора, связанное с тем, что значительная часть советских мусульман относилась к народам тюркского происхождения. Данный фактор тесно переплетался с официально нейтральной позицией Турции во Второй Мировой войне⁴ и с желанием Германии изменить этот нейтралитет в свою пользу.

В статье рассматриваются общие положения немецкой пропаганды в исламском вопросе, а также подробно анализируются наиболее значимые темы, затрагивавшиеся ею: тюркский фактор, Крым, Средняя Азия, а также фактор иерусалимского муфтия аль-Хусейни.

Статья основывается на первичных источниках, в первую очередь газетах, издававшихся на оккупированной части РСФСР, других публикациях, выходивших в нацистской Германии, а также современной исследовательской литературе.

Общие положения. Различные институты и организации в нацистской Германии занимались исследованиями ислама, мусульман и тех отношений, которые могут возникнуть между Германией с ее национал-социалистической идеологией, с одной стороны, и странами Востока, чье население исповедовало ислам, с другой⁵. В целом немецкое отношение к исламу в течение 1930-х годов варьировалось от доброжелательного до восторженного. Сторонники первой группы взглядов подчеркивали предполагаемую общность интересов (в идеологическом плане — культ силы, в политическом — угнетенное положение стран ислама и Германии, наличие общих врагов: англо-французского империализма, большевистского атеизма и евреев). Сторонники второй группы взглядов рассматривали ренессанс ислама в качестве важнейшего фактора, способного, как и возрождение Германии, вместе разрушить мир, контролируемый врагами обеих сторон.

По мере укрепления внешнеполитических позиций Германии во второй половине 1930-х годов усилился и ее интерес к возможности создания альянсов со странами, движениями и политическими лидерами мусульманского мира. Безусловно, в силу географической близости к Европе особый интерес для Германии представлял Ближний Восток⁶. И процессы, протекавшие в нем, в первую очередь резкое обострение арабо-еврейского конфликта

в подмандатной Палестине, представляли собой, с точки зрения немецких руководящих кругов, благодатную почву для полноценного сотрудничества между Германией и арабо-мусульманским миром⁷. Наиболее яркой и подходящей политической фигурой в арабском мире, способной придать этому сближению совершенно новые практические формы, представлялся Великий муфтий Иерусалима Хадж Амин аль-Хусейни⁸.

После долгих колебаний во второй половине 1941 г. немецкий интерес к исламскому миру приобрел наконец совершенно отчетливые очертания. Основной причиной, вызвавшей достаточно резкий переход немецкой политики от абстрактного к практическому этапу, стало пробуксовывание плана молниеносной войны против Советского Союза. Если еще в июле 1941 г. Гитлер высказывался в том духе, что на всем покоренном советском пространстве только немцам будет даровано право носить оружие⁹, то к концу того же года стало ясно, что это иллюзия и без новых союзников у Германии нет никаких шансов в длительной войне.

Среди первых к изменению немецкого подхода стали призывать обладающие относительно развитым кругозором работники германского МИДа. Так, 18 ноября 1941 г. немецкий посол в Мадриде фон Шторер представил в МИД предложения по разработке «всесторонней германской исламской программы». Он утверждал, что эта работа исключительно актуальна, предлагал скорейшее создание комитета специалистов по исламу при МИД. Фон Шторер считал, что через иерусалимского муфтия «можно широко распространить пропаганду в исламском мире». Дипломат полагал, что в Коране имеется целый ряд высказываний, «которые любым знатоком ислама могут быть восприняты как пророческие слова, подтверждающие необходимость появления вождя». Он говорил: «[Если бы муфтий] смог встать на сторону такой пропаганды, то мы вполне вправе рассчитывать на величайшие успехи»¹⁰.

К декабрю 1941 г. эти настроения нашли отклик и в среде командования немецкой армии, которая столкнулась с первыми представителями ислама на оккупированных территориях СССР — литовскими и крымскими татарами. 5 декабря 1941 г. были приняты специальные директивы для ведения пропаганды среди татар, в п. 4 которых утверждалось: «Германский рейх дружески и с пониманием относится к потребностям мусульман»¹¹.

22 декабря 1941 г. Высшее командование вермахта отдало приказ о создании четырех национальных легионов, куда должны были войти представители восточных народов Советского Союза: туркестанского, армянского, грузинского и кавказско-мусульманского. Кавказско-мусульманский легион позднее был разделен на азербайджанский и северокавказский. Германское командование не могло не учитывать, что два легиона представляли преимущественно мусульман. В сентябре к ним присоединился и волжско-татарский легион. В ходе боевой подготовки и политической обработки легионеры поощрялись подарками; к ним могли относиться сигареты, а также различные мусульманские издания, в том числе Коран¹².

С 1942 г. восточные и тюркские народы в массивной национал-социалистической пропаганде постепенно «реабилитируются» и на высшем по-

литическом уровне нацистской Германии. А. Даллин считает, что все началось с того, что Гитлер в своей речи от 26 апреля 1942 г. причислил восточные народы к борющимся с мировым врагом — большевизмом¹³.

Как уже указывалось, подобный ход нацистского руководства можно объяснить стремлением найти новых союзников в затянувшейся войне с Советским Союзом. Особый вес эти идеи приобретали в связи с планами наступления вермахта весной — летом 1942 г. на южном направлении, где значительную часть населения составляли мусульмане.

Германское командование по мере продвижения вермахта к Кавказу летом 1942 г. организовывало вспомогательные войска из лиц татарского и кавказского происхождения. Важное место занимала идеологическая работа с новобранцами. На учебных курсах обсуждались следующие вопросы:

— национал-социализм рассматривает нацию как творение Бога, а большевики стремятся к национальной неразберихе;

— Германия обеспечит татарскому (или чеченскому, или карачаевскому, или калмыкскому — в отличие от национальной принадлежности немецких союзников) народу свободное развитие собственной культуры, не станет посягать на старинные обычаи и привычки;

— Германия обеспечивает полную религиозную свободу;

— советская система за время своего существования постоянно лишала татарский народ лучших его сил¹⁴.

Интересно сопоставить эти вопросы с тезисами, которые высказывал иерусалимский муфтий:

— Германия никогда не нападала на мусульманскую страну и не была недружественно настроена по отношению к ней;

— Германия борется против мирового еврейства — главного врага ислама;

— Германия борется против Англии и ее союзников, которые угнетают миллионы мусульман;

— Германия борется с большевизмом, который является поработителем более 40 млн мусульман и угрожает исламу в других странах¹⁵.

Очевидно существенное совпадение тезисов, свидетельствующее о том, что общемусульманские идеи, высказанные муфтием, вполне применимы к советским реалиям.

Со стороны Германии новый пик ее идеологического сближения с миром советского ислама с совершенно практическими намерениями пришелся на конец 1942 г. В эти недели вероятность окружения немецкой группировки на Северном Кавказе (в связи с окружением Шестой армии под Сталинградом) вынудило немецкое руководство лихорадочно искать новых союзников в регионе, способных резко усилить дислоцированные там силы вермахта. 12 декабря 1942 г., когда в Ставке обсуждался вопрос о грузинском батальоне, А. Гитлер заявил: «Об этих грузинах я ничего не знаю. Только то, что они не принадлежат к тюркским народам. Но только мусульман я считаю благонадежными, всем остальным не доверяю. Создавать в настоящее время эти батальоны из чисто

кавказских народов я считаю слишком рискованным, и напротив, я не вижу никакой опасности в создании чисто мусульманских соединений»¹⁶.

Призывы привлечь на свою сторону мусульманский мир наталкивались в Германии на противодействие идеологических кругов, ставивших во главу угла нацистскую расовую теорию. Нацистские пропагандисты в процессе формирования негативного образа зачастую ставили рядом славян, татар и евреев. Вершиной «крестового похода цивилизованной Европы за чистоту нации» стало издание образовательным отделом СС в 1942 г. иллюстрированной брошюры «Унтерменш»¹⁷. Эта расистская брошюра была направлена на разжигание ненависти ко всем народам на Востоке.

Рассуждения о «славяно-татарской гидре с еврейскими головами», о «гуннских ордах», о «раскосых глазах, которые горят жаждой убийства» вызывали негативную реакцию не только среди прагматично настроенных немецких пропагандистов (последние возмущались, что после ознакомления русских с подобной печатной продукцией результат их работы сводится к нулю), но и у крупнейшего азиатского союзника рейха — Японии¹⁸.

Турецкий фактор. Как уже указывалось, ход Второй Мировой войны предопределил существенное место Турции в немецкой геополитике и пропагандистской стратегии. Особую значимость турецкий фактор приобрел в связи с продвижением вермахта на Кавказ во второй половине 1942 г. Северный Кавказ воспринимался германскими стратегами как регион, в котором исторически у Турции были свои интересы, вытекающие, в частности, и из того, что многочисленные кавказские народы были связаны с Турцией языковыми и религиозными узами. Таким образом, с точки зрения Германии, пропаганда Турции среди северокавказских горцев (и в более широком плане — среди почти всех советских мусульман) должна была укрепить их этническое самосознание и ослабить или даже полностью разорвать их связи с советской, преимущественно славянской средой.

Вместе с тем эта пропаганда предназначалась и для самой Турции с целью показать последней, что Германия признает особые интересы Турции в регионе. Немецкие планы в долгосрочной перспективе предусматривали передачу Северного Кавказа Турции, дабы прочнее привязать ее к гитлеровской коалиции¹⁹.

На страницах коллаборационистской прессы регулярно публиковались материалы, хвалебно отзывавшиеся о Турции и ее бывших и настоящих руководителях. Одним из этих героев являлся первый президент Турции Кемаль Ататюрк²⁰. В нацистских газетах его характеризовали следующим образом: «Став во главе государства, энергичный Ататюрк занялся реформами. Ввел латинский шрифт вместо арабской письменности; установил современное законодательство; организовал использование полезных ископаемых внутри страны; привил турецкой интеллигенции европейское мирозозерцание; воссоздал армию; приступил к постройке школ, больниц и железных дорог»²¹.

Затрагивался также вопрос жизненного пространства для турок. Например, в статье «Возрожденная Турция. Биологический заповедник Ататюрка» подчеркивалось: «После переворота, произведенного Кемалем-Пашой, за

заслуги перед родиной получившего почетное звание Ататюрка, в Турции, урезанной со всех сторон Версальским насилием, была произведена перепись населения. Это было в 1923 г. Ко всеобщему удивлению, перепись показала наличие не 10 млн населения, как ожидалось, а даже целых 13 млн. Народная перепись 1940 г. установила количество в 17 млн 800 тыс. чел. жителей. Ежегодный прирост в среднем достигает 450 тыс. чел. Однако пределы турецкого государства могут вместить гораздо больше народа. Теоретически установлено, что даже при теперешней структуре народного хозяйства, когда 80 % населения занято земледелием, в границах Турции могло бы свободно разместиться 40 млн чел.»²²

Отмечалось, что Турция — это государство, имеющее сильную и хорошо подготовленную армию. «Предпосылкой реализации программы Ататюрка является сохранение мира. Для обеспечения мира необходимо содержать хорошо вооруженную армию численностью более одного миллиона. Содержание ее тяжелым бременем ложится на государственный бюджет. Несмотря на это, любому гражданину страны ясна необходимость этой жертвы и он несет ее без ропота»²³.

Лучшее решение вопроса национальных меньшинств, по мнению нацистских журналистов, — создание мононационального государства. Туркам это удалось сделать, правда, как именно, коллаборационистские газеты не уточняли. «Мужество и самоотвержение Ататюрка возродило Турцию страной национального единства. Во всяком случае, национально-меньшинственный вопрос, служивший раньше благодарной почвой для провокационного вмешательства иностранных держав, перестал в ней существовать»²⁴.

Несомненно, нацистская Германия положительно относилась и к исламизму, и к пантюркизму. Но последовательная публикация статей, посвященных Турции, в газетах, издававшихся оккупационной администрацией на территории Северо-Запада России, вне территории проживания «адресной аудитории» вызывает вопросы. Объяснить это непросто. Конечно, речь могла идти и о механическом копировании статей, предназначенных для всех оккупированных советских территорий. Авторам данное объяснение представляется менее правдоподобным потому, что в принципе геббельсовское Министерство пропаганды строго следило за содержанием статей для каждого региона²⁵. Другое объяснение заключается в том, что это была не ошибка, а сознательная попытка вбить дополнительный клин между советскими народами. Такой цели можно было попытаться достичь посредством явно избыточного для русской аудитории, с учетом исторически весьма напряженных отношений между Россией и Турцией, восхваления связей между российскими тюркскими народами мусульманского вероисповедания и Турцией.

В связи с этим стоит рассмотреть, например, подробные репортажи из Анкары об очередном юбилее Турецкой республики в газете, издававшейся гитлеровцами на территории Северо-Запада России. Для придания им солидности некоторые из них имели подзаголовок «От нашего собственного корреспондента». Отдельно подчеркивалось особое уважение, которое испытывают турки к дипломатам Третьего рейха. «Анкара, 3 ноября 1942 г. Президент

государства Исмет Инёну проследовал мимо выстроившихся шпалерами войск и молодежи к зданию большого национального собрания, для того чтобы принять традиционные поздравления правительства, армии, парламента и представителей дипломатического корпуса по случаю 19-й годовщины дня основания Турецкой республики. Вскоре после прибытия президента государства к зданию национального собрания стали подъезжать автомобили иностранных дипломатических представителей и военных атташе. Германский посланник фон Папен явился в сопровождении старшего военного атташе, вице-адмирала фон-дер-Марвиц»²⁶.

В других статьях Турцию, «активно борющуюся против плутократов», называли «мостом между Европой и Азией». Ее политические и экономические успехи считались одним из следствий традиционной турецко-германской дружбы, в совсем недавнем прошлом закрепленной непосредственным военным союзом, связывавшим Германию с Турцией в Первой мировой войне²⁷ (хотя вдумчивый читатель на Северо-Западе России вполне мог еще помнить, что этот союз был направлен против России, да и в XVIII–XIX вв. Российская империя не раз воевала с Османской). Говоря же о настоящем, газета писала: «Турция с дружественной ей Германией недавно заключила важный договор о германо-турецком товарообмене»²⁸.

Вместе с тем отмечалось, что враги Турции (естественно, имелись в виду Англия и Америка) пытаются втянуть Турцию в войну. Конечно, им это не удастся: ведь турецкое правительство отлично понимает, в чем заключаются национальные интересы их государства. «Несмотря на неоднократные попытки Англии и Америки втянуть Турцию в эту войну, она упорно отстаивает свой нейтралитет. Этим стремлением проникнута вся политика Турции. Строго придерживаясь обязательств, налагаемых на Турцию различными пактами, и стремясь сохранить дружеские отношения с другими народами, Турция определенно отстаивает свои интересы, которые ей подсказывает ее национальное самосознание»²⁹.

Кроме Турции, нацисты рассматривали в качестве своих потенциальных союзников народы Северного Кавказа. Пропагандистские службы вермахта получили из Берлина специальное указание, в котором говорилось: «Бесмысленно обращаться с пропагандой ко многим племенам сразу. Смешанный добровольческий корпус тогда не будет боеспособным. Нужно сформировать отдельные подразделения грузин, армян, черкесов, кабардинцев и т. д.»³⁰

Крым. Крым был единственным регионом со значительным мусульманским населением (доля крымских татар составляла около 25%), полностью оккупированным вермахтом. Стоит также отметить длительный период оккупации: большая часть полуострова была оккупирована с конца 1941 г. до мая 1944 г. Все это привело к тому, что немецкая администрация в Крыму получила возможность претворить свои планы по отношению к исламу и мусульманам в СССР. Оставляя за рамками настоящей статьи реальные аспекты политики нацистской Германии в данном вопросе, сосредоточимся на пропагандистской составляющей взаимоотношений между немецкой оккупацией Крыма, с одной

стороны, и тесно переплетенными на полуострове исламским и этническим крымско-татарским факторами — с другой.

Событиям в Крыму посвящались различные статьи, очерки, заметки, фоторепортажи. Можно говорить о разнообразии газетных материалов. Кроме пропагандистских, политических, информационных, были и познавательные-развлекательные.

Нацисты не возражали против тезиса о том, что первоочередной задачей крымских татар является возрождение их нации. При содействии немецкого командования стали организовываться мусульманские комитеты в городах и районных центрах Крыма.

Орган симферопольского мусульманского комитета газета «Азат Крым» («Освобожденный Крым»), выходящая два раза в неделю в Симферополе, стала важнейшим проводником немецкой пропаганды в мусульманском вопросе на полуострове и вне его. Эта газета призывала местное население активизировать борьбу с большевиками и евреями³¹: «[Они] разрушили нашу прекрасную родину, растоптали всю нашу культуру, резали и вешали наши национальные кадры»³².

На собраниях населения ставились вопросы о создании добровольческих дружин для борьбы с партизанами, а также о помощи бедноте, старикам и семьям красноармейцев, многодетным семьям. Газета «Азат Крым» называла эти собрания «проявлением симпатии крымско-татарского народа к новому порядку»³³.

Крымская тематика рассматривалась практически во всех печатных изданиях, выходивших на оккупированной территории России. Так, только в газете «За родину» (Псков — Рига) за 1942–1944 гг. было опубликовано 227 материалов, связанных с ним³⁴. Как уже отмечалось, в русских коллаборационистских газетах многие материалы для солидности и придания информации большей достоверности подписывались «Наш собственный корреспондент в Берлине», «Наш собственный корреспондент в Париже», «Наш собственный корреспондент в Крыму». Именно таким «спецкором» на юге представлялся некий М. Петрович, опубликовавший 9 сентября 1942 г. материал «В освобожденном Крыму. С блокнотом и фотокамерой»³⁵. Эта статья условно состояла из трех частей: что было, что есть и что будет. В самом начале журналист с гневом описывал страдания, которые принес крымской земле большевизм: «Когда большевики в начале своей власти заняли этот благодатный край, они довели его до такого состояния, что жители от голода бежали оттуда, куда кто мог. Кровавая расправа страшного Бэла Куна еще долго оставалась в памяти местных жителей. Изголодавшаяся красная армия, наводнившая Крым, уничтожала, как саранча, все, что еще оставалось у тамошних крестьян. Впоследствии советская власть выкачивала из этой крымской житницы буквально все»³⁶.

Боевые действия в Крыму представлялись как безусловный триумф германского военного гения: «Грянула война. Большевистское командование решило защищать полуостров всеми имеющимися средствами. Спешно укреплялся Перекоп, памятный большевикам со времен гражданской войны, возводились укрепления на подступах к Севастополю. Но для германской армии

все эти преграды оказались несущественными, и Крым был занят неожиданно быстро. Пала в течение одного месяца и прежняя неприступная твердыня — Севастополь»³⁷.

Местные жители на оккупированной гитлеровцами Ленинградской области зачастую читали эти строки в своих разрушенных домах, испытывая чувство голода. Немецкая пропаганда пыталась им внушить мысль о том, что все трудности носят временный характер. В пример приводилась жизнь в Крыму: «Война произвела огромное опустошение в городах полуострова. Так, Керчь, Феодосия и Севастополь почти не существуют. Но щедрая природа и радость освобождения от ненавистной власти свершают чудеса. В столице Крыма Симферополе следы войны менее заметны, и жизнь в нем также быстро налаживается. Торгуют базары и чего тут только нет. Продается все, что производит крымская природа»³⁸.

Для большей достоверности своего материала журналист дает в нем некие лично-повседневные детали: «В Евпатории на базаре накормили нас “кебабом”: это жареное на вертеле рубленное мясо, приправленное специями»³⁹.

Рецепт этого всеобщего счастья в пронацистской газете объяснялся очень просто: «Жители Крыма легко уживаются с германскими солдатами и признательны им за освобождение. А о своем прошлом вспоминают, как о тяжелом сне»⁴⁰. Одним из основных лозунгов нацистской пропаганды в Советском Союзе стали слова «Гитлер — освободитель». Местному населению пытались внушить мысль, что Германия не оккупант, а освободитель народов СССР от «ига жидо-большевизма». На страницах коллаборационистской прессы неоднократно писалось о том, что при большевиках Крым был раем только для советской партийной элиты и евреев. В так называемых документальных очерках рассказывалось о несчастной судьбе бедных тружеников, которые не могли отдохнуть на юге из-за огромной стоимости путевок и из-за того, что все места в санаториях уже заняли чиновники. Путевые заметки М. Петровича заканчивались своего рода обещанием: «Крымские курорты, несмотря на разрушения, скоро смогут предоставить заслуженный отдых подлинным трудящимся. А цветущий раньше город Севастополь, пострадавший от авиации, а главным образом взорванный рукою большевистского командования, начинает свое восстановление на неслыханных пожарищах с трудом, но с верою в лучшее и светлое будущее не только своего разрушенного города, но и всей освобожденной родины»⁴¹.

Особое место в коллаборационистских газетах занимали перепечатки из дружественных изданий, в частности из «Голоса Крыма», имевшие весьма восторженный характер. Так один из материалов назывался «Возрождающаяся Таврида». В нем давалась «картина ожившего после большевистского погрома Крыма»: «В Джанкое на вокзале чистота и порядок. В городе оживление: во всех концах города идут строительные работы. Там, где раньше была обычная грунтовая дорога, строится мостовая. Заканчиваются работы по строительству хирургического корпуса городской больницы. Кроме предприятий городского управления, в городе работает много кустарей. Открыт местный театр и организован оркестр»⁴².

Вместе с тем такого рода статьи, пропагандирующие привольную жизнь в оккупированном немцами Крыме и ренессанс ислама на полуострове, можно трактовать и как попытку гитлеровской пропаганды углубить раскол между различными частями советского населения по этническому и религиозному принципу.

Советский Восток. Оккупационная пропаганда не обходила вниманием и Советскую Среднюю Азию. На страницах коллаборационистских изданий все чаще появлялись статьи, посвященные жизни народов Востока. Так, в газете «За Родину» была опубликована статья «Легенда о Сталине жестоком»⁴³. В ней говорилось о том, что московская «Правда» напечатала легенду, сочиненную узбеком Турдаевым, в честь Сталина. В легенде этой вспоминалось народное сказание о жестоком Тимуре, который запрятал книгу о человеческом счастье. Он уехал далеко в горы и замуровал книгу в расщелине одной из скал. Прошли века, и родился великий человек. Он дал счастливую жизнь узбекскому народу: уничтожил баев, освободил женщин от векового гнета, отдал землю труженикам.

Нацистские пропагандисты особо подчеркивали: «Сталин действительно уничтожил баев, но одновременно и устроил кровавую резню всему узбекскому народу, он устроил колхозы и загнал в них узбекский народ, обрекши его на голодную смерть. Книгу же счастья человеческого он запрятал еще глубже, дав вместо нее узбекскому народу конституцию. Благами этой книги пользуются лишь приспешники Сталина. Сам же Сталин далеко превзошел жесточайшего Тимура»⁴⁴.

Естественно, важное место уделялось антисемитской пропаганде, которая высвечивала трения, мнимые и реальные, между еврейскими беженцами и местным мусульманским населением Средней Азии⁴⁵. Во время войны Узбекистан приютил у себя многие тысячи эвакуированных из России, Украины, Белоруссии, Молдавии. В статье «Еврейская дивизия»⁴⁶ утверждалось, что единственная категория граждан, наживавшаяся на эвакуации, — это евреи: «Пыльная, выжженная жгучим осенним солнцем базарная площадь Самарканда, в Туркестане. Вокруг колхозников-узбеков и татар снуют эвакуированные из центра евреи. Целые стопки червонцев, отрезки мануфактуры, часы, кольца, — любую цену готовы они платить за продукты. Местные жители с голодной тоской прислушиваются к торгу: сто пятьдесят, сто восемьдесят, двести рублей за буханку хлеба»⁴⁷.

Эта статья была подписана «Бывший ефрейтор 220-го артиллерийского полка, 201-й стрелковой дивизии Оганес Агапович Архитикьян». Он утверждал: «[Я] лично был свидетелем этой сцены в октябре 1943 г., когда, будучи мобилизован, менял в Самарканде на базаре последние остатки гражданской одежды на хлеб и сухари. Случай этот далеко не единственный. Народы Советского Союза уже нередко открыто восстают против еврейского засилья. Лишь силой НКВД еще держится в советской стране власть спекулянтов и торгашей»⁴⁸.

1944 год стал годом наибольшей активности нацистов в попытке практического использования исламского фактора. Среди представителей Восточного министерства, среди высших военных, отвечавших за обозначенные

вопросы, к этому времени встречались различные мнения о глубине религиозных убеждений различных восточных народов СССР. Г. фон Менде, например, так выразил свое мнение в публикации от 12 февраля 1944 г.: «Мусульманская пропаганда среди восточных народов недействительна, особенно среди молодежи. Среди них можно рассчитывать на 5 % действительно верующих. Также примерно 20 % имеют определенный интерес и склонность к исламу»⁴⁹.

Нацистское руководство крайне болезненно воспринимало любую информацию о том, что советское руководство готово нормализовать отношения с представителями различных религиозных конфессий, будь то православные христиане или мусульмане⁵⁰.

По дипломатическим каналам в Берлин все чаще стали поступать сведения о том, что Советский Союз очень активно взялся за религиозную пропаганду среди мусульман Ближнего Востока⁵¹. «Советское посольство в Каире привлекает многих мусульман тем, что стены его украшены изречениями из Корана. Оно использует общеисламские идеи, связывая их с большевистскими и националистическими идеями. В противовес Высшей исламской школе в Каире (Университет аль-Азхар) большевики вновь открыли исламское учебное заведение в Ташкенте. Они в какой-то мере пытаются возродить идеи Ленина, который уже пытался однажды использовать Энвера-пашу для начала общеисламского штурма под водительством большевиков!», — сообщил 15 июня 1944 г. немецкий посол Лангманн в МИД⁵².

Иерусалимский муфтий Амин аль-Хусейни. Важнейшим религиозным авторитетом ислама, поддержавшим Германию в войне, был Великий муфтий Иерусалима Хадж Амин аль-Хусейни. Он родился в 1895 г. в Иерусалиме и был потомственным религиозным деятелем: его отец носил титул Великого муфтия Иерусалимского. Аль-Хусейни активно ратовал за создание при поддержке Германии и Италии блока арабских стран, направленного против Великобритании.

Его личность в немалой степени заинтересовала и германское руководство, что подтверждает подробная аналитическая справка, подготовленная еще 18 февраля 1941 г. по указанию министра иностранных дел Иоахима фон Риббентропа сотрудником МИД Гроббой о личности Великого муфтия и его политической и религиозной деятельности⁵³. Однако Риббентроп не стал оказывать муфтию какой-либо реальной практической поддержки. Несмотря на постигшее его разочарование, аль-Хусейни остался в Германии и принимал активное участие в политической и религиозной жизни. Он выступал с проповедями в берлинской мечети, на различных собраниях, выпускал свои выступления в виде брошюр, всячески критикуя происки евреев, большевиков и английских империалистов. Муфтий стремился стать духовным наставником мусульманских военных соединений вермахта⁵⁴.

По мнению аль-Хусейни, между исламом и национал-социализмом было очень много родственного. Так, муфтий отмечал, что правоверные мусульмане признают как высший авторитет Аллаха и его пророка Мухаммеда, а национал-социалисты — фюрера Адольфа Гитлера; ислам для всех разрозненных арабов, как национал-социализм для немцев, — сила организующая, воспитывающая в них порядок и дисциплину. С точки зрения муфтия, внимания за-

служивало и отношение ислама и национал-социализма к семье и воспитанию детей, к труду и созиданию. Все это сближало мусульман и национал-социалистов, а также должно было создавать прочный базис для взаимопонимания и взаимоуважения, для совместной борьбы против общего врага⁵⁵. И поскольку Германия, как считал муфтий, воюет против евреев и англичан, главных врагов ислама, то она, естественно, является самым близким другом мусульман⁵⁶.

Главными врагами арабов и всех мусульман муфтий называл евреев Палестины: «Нужно оказать ожесточеннейшее сопротивление врагам, которые всеми средствами унижают арабов и угнетают ислам. Вечными врагами ислама и арабов главным образом являются жидаы, которые смертельно ненавидели ислам с самого основания его и теперь достигли своей долгожданной цели — ввергнуть весь мир в борьбу на жизнь или смерть, пытаясь этим осуществить свои преступные цели. Жидаы навязали арабам борьбу за существование. Они пытались всеми коварными средствами, с ненавистью, присущей их расе, изгнать арабское население из священной и для ислама Палестины и уничтожить его. Уже Вейцман заявил, что “французская Северная Африка будет первым мостом между двумя мощными еврейскими центрами — Нью-Йорком и Иерусалимом”»⁵⁷.

По мнению муфтия, все страны антигитлеровской коалиции одинаково чужды исламскому миру, но каждая их них по-своему: «США и Великобритания во всех отношениях поддерживали жидовские цели и в тесном единении с жидами отвечали на все протесты арабов террором, кровопролитием, мечем и огнем. Весь мир ислама, охватывающий 400 млн мусульман, находится в рабстве союзных держав-поработителей. Сюда входит еще 40 млн мусульман, находящихся под властью большевиков, старающихся пропагандой атеизма разложить и поработить магометан. Мечети и священные места разрушены, люди зверски убиты»⁵⁸.

Заключительные слова муфтия во многом повторяют вывод нацистского пропагандистского фильма 1940 г. «Вечный жид» (*Der Ewige Jude*): «Мужчины, женщины и дети стали жертвами англо-американского оружия и политики. Все эти люди уничтожены и убиты в интересах жидовского капитализма (в Палестине, Ираке, Египте и в современной России). Эти жертвы арабы и весь исламистский мир никогда не забудут. Настоящая война, вспыхнувшая из-за жидов, дает магометанам возможность освободиться от постоянного преследования и террора, которые господствовали на их родной земле. “Праздник жертвы” должен напомнить каждому, что он обязан присоединиться к борьбе за существование нации и свободу религии и быть всегда в полной готовности к самопожертвованию за эти цели»⁵⁹.

В любом случае для гитлеровцев арабский мир представлялся потенциальным союзником, негативно настроенным по отношению к врагам Третьего рейха: «Все эти обстоятельства создают слишком неопределенное положение, и лишь будущее выработает в данном вопросе более резко очерченные линии. Только одно можно сказать с уверенностью: на новую организацию арабских стран Англия уже влияния иметь не будет. Однако сражающиеся за свою свободу народы Европы со вниманием и участием следят за освободительной

борьбой арабов и от всего сердца желают, чтобы после окончательной победы над большевизмом и капитализмом и для Аравии наступили счастливые времена»⁶⁰.

Еврейское присутствие в Палестине рассматривалось как исключительно враждебное по отношению к арабскому населению. При этом немцы предпочитали ссылаться на источники из нейтральных стран. Так, в статье «Жидовские дельцы в Палестине» приводились слова шведского дипломата, недавно вернувшегося с Ближнего Востока. Этот человек утверждал, что снабжение там населения продовольствием переживает серьезные затруднения. Он указал на то, что, помимо Ирана, в особо затруднительном продовольственном положении находится Палестина: «В Палестине трудно найти продукты, а те, которые можно достать, продаются по таким ценам, что они доступны лишь богатым. Вот уже 25 дней, как из магазинов исчезли рыба, мясо, масло, яйца, растительное масло и мануфактура. Транспортные конторы, находящиеся исключительно в жидовских руках, отказываются снабжать арабское население. Жидовские спекулянты не обращают никакого внимания на постановления правительства»⁶¹.

Эту информацию «дополняли» из Португалии. В статье «Досыта наедаются только жида» было написано следующее: «Лиссабон, 13/10. Как сообщает “Радио Иерусалим”, продовольственное положение в Палестине, зависящее всецело от жидов, находится сейчас в столь хаотическом состоянии, что приходится произвести новую перепись населения в Иерусалиме и его окрестностях, для того чтобы начиная с 20 октября ввести новую систему распределения хлеба и муки и положить конец мошенничествам с хлебными карточками»⁶².

Национальный вопрос с самого начала занял видное место в идеологии германского фашизма. Крайний национализм, согласно положениям которого исключительными правами обладает лишь немецкая нация, способствовал циничному подходу нацистов к решению проблемы межнациональных отношений на оккупированной территории.

Уже в самом конце войны, 26 ноября 1944 г., в Дрездене была торжественно открыта школа мулл⁶³. С большой речью на этой церемонии выступил глава немецкой разведки бригадефюрер СС Вальтер Шелленберг, пространно рассуждавший о традиционной поддержке Германией ислама и исламских стран, которые эксплуатируются «империалистическими силами». «Интеллектуал из СС» Шелленберг называл ислам «важнейшим бастионом против национального и культурного обезличивания восточных тюрков, против инфекции большевизма». В конце своей речи он заявил: «Для восточных тюрков важно обеспечить молодому поколению связь с традициями прошлого, чтобы строить свое будущее собственными руками, а не с опорой на костыли большевистских идеологов, вглядываясь в мир только русскими глазами»⁶⁴.

Однако на деятельность этой школы наложились ощущения близкого краха нацистской Германии, атмосфера агонии, в которой находился Третий рейх в конце 1944 — начале 1945 г. Вероятно, уже в начале весны 1945 г. школа прекратила свое существование.

Оккупировав часть территории СССР, нацисты стремились посеять раздор между представителями различных наций, что делалось, с одной стороны, для ослабления сопротивления захватчикам, а с другой — для физического уничтожения части местного населения. Все это, по замыслу нацистов, должно было способствовать освобождению жизненного пространства «Великой Германии» от нежелательного национального элемента. Поэтому заигрывание нацистов с исламом в значительной степени являлось лицемерием, подчиненным прагматическим военно-политическим целям.

¹ См. об этом: *Марченко О. Е.* Мусульманское духовенство Северо-Западного Кавказа и Степного Предкавказья в системе государственно-конфессиональных отношений в 1920–1930-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2008; *Dickinson A.* Quantifying Religious Oppression: Russian Orthodox Church Closures and Repression of Priests 1917–1941 // *Religion, State & Society*. 2000. No. 4. P. 327–335.

² См. подробнее: *Гайнетдинов Р. Б.* Тюрко-татарская политическая эмиграция: начало XX века — 30-е годы: ист. очерк. Набережные Челны, 1997.

³ См. об этом: *Schmitz P.* Moskau und die islamische Welt. München, 1938.

⁴ См. подробнее: *Гасанлы Дж. П.* СССР — Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). М., 2008. С. 90–133; *Галиакбарова Н. М.* Советско-турецкие отношения в 1939–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006.

⁵ См. об этом: *Motadel D.* Islam and Nazi Germany's War. Cambridge, Mass., 2014. P. 38–70; *Herf J.* Nazi Propaganda for the Arab World. New Haven, 2009. P. 15–56.

⁶ См. подробнее: *Nicosia F. R.* Nazi Germany and the Arab World. New York, 2014; *Mallmann K.-M., Cüppers M.* Halbmond und Hakenkreuz. Das "Dritte Reich", die Araber und Palästina. Darmstadt, 2006.

⁷ См. об этом: *Kehoe T. J.* Fighting for our mutual benefit: understanding and contextualizing the intentions behind Nazi propaganda for the Arabs during World War Two // *Journal of Genocide Research*. 2012. No. 2. P. 137–157; *Herf J.* Arabischsprachige nationalsozialistische Propaganda während des Zweiten Weltkriegs und des Holocaust // *Geschichte und Gesellschaft*. 2011. Nr. 3. S. 359–384. — Об арабской реакции на попытки нацистской Германии сблизиться с арабским и мусульманским миром см.: *Kabha M.* The Palestinian national movement and its attitude toward the Fascist and Nazi movements 1925–1945 // *Ibid.* S. 437–450.

⁸ См. о нем: *Höpp G.* Der Gefangene im Dreieck. Zum Bild Amin al-Husseini in Wissenschaft und Publizistik seit 1941. Ein bio-bibliographischer Abriss // *Eine umstrittene Figur: Hadj Amin al-Husseini. Mufti von Jerusalem* / Hrsg. Rainer Zimmer-Winkel. Trier, 1999. S. 5–23; *Fischer-Werth K.* Amin al-Husseini — Großmufti von Palästina. Berlin, 1943.

⁹ Приводится по: Aktenvermerk vom 16. Juli 1941 // *Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof. Nürnberg 14. November 1945 — 1. Oktober 1946. Bd. XXXVIII, Amtlicher Text — Deutsche Ausgabe, Urkunden und anderes Beweismaterial.* München, 1989. S. 86–94.

¹⁰ Цит. по: *Гилязов И. А.* На другой стороне. Коллаборационисты из поволжско-приуральских татар в годы Второй мировой войны. Казань, 1998. С. 192.

¹¹ Цит. по: Там же. С. 194.

¹² Там же.

¹³ *Dallin A.* German Rule in Russia 1941–1945: A study in occupation Policies. London; New York, 1957. P. 284.

¹⁴ Приводится по: Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне». Коллекция документов.

¹⁵ *Гилязов И. А.* На другой стороне. С. 193.

¹⁶ Цит. по: Там же. С. 195–196. — См. также: *Motadel D.* Islam and Nazi Germany's War. P. 223.

- ¹⁷ Der Untermensch. Hrsg.: der Reichsführer-SS, SS-Hauptamt. Berlin, 1942.
- ¹⁸ См. об этом: *Ковалев Б. Н.* Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009. С. 294–295; *Law R. W.* Runner-up: Japan in the German mass media during the 1936 Olympic Games // *Southeast Review of Asian Studies*. 2009. Vol. XXXI. P. 164–180.
- ¹⁹ См. об этом: *Roth K. H.* Berlin — Ankara — Baghdad: Franz von Papen and German Near East Policy During the Second World War // *Germany and the Middle East, 1871–1945* / ed. by Wolfgang G. Schwanit. Princeton, 2004. P. 199–203.
- ²⁰ См. о нем: *Ihrig S.* Atatürk in the Nazi Imagination. Cambridge, Mass., 2014.
- ²¹ За Родину. 1943. 26 авг.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ См. об этом: *Shtyrkina O.* Mediale Schlachtfelder: Die NS-Propaganda gegen die Sowjetunion (1939–1945). Frankfurt am Main; New York, 2018. S. 233–237.
- ²⁶ За Родину. 1942. 4 нояб.
- ²⁷ Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне». Коллекция документов.
- ²⁸ За Родину. 1943. 29 апр.
- ²⁹ Новый путь (Рига). 1943. 15 янв.
- ³⁰ Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне». Коллекция документов.
- ³¹ См. об этом: *Feferman K.* The Holocaust in the Crimea and the North Caucasus. Jerusalem, 2016. P. 414–415.
- ³² Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне». Коллекция документов.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Подсчитано авторами.
- ³⁵ За Родину. 1942. 9 сент.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. 12 дек.
- ⁴³ Там же. 1944. 8 янв.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ См. об этом: *Manley R.* To the Tashkent Station: Evacuation and Survival in the Soviet Union at War. Ithaca, New York, 2012. P. 148–195; *Feferman K.* A Soviet Humanitarian Action?: Centre, Periphery and the Evacuation of Refugees to the North Caucasus, 1941–1942 // *Europe-Asia Studies*. 2009. No. 5. P. 813–831.
- ⁴⁶ За родину. 1944. 7 мая.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Цит. по: *Гилязов И. А.* На другой стороне. С. 197.
- ⁵⁰ См. об этом: *Tasar E.* Soviet and Muslim: The Institutionalization of Islam in Central Asia. New York, 2017. P. 164–165.
- ⁵¹ См. об этом: *Ахмадуллин В. А.* Деятельность советского государства по организации хаджа советских мусульман в 1944 г. // *Власть*. 2013. № 6. С. 162–164.
- ⁵² Цит. по: *Гилязов И. А.* На другой стороне. С. 199.
- ⁵³ Там же. С. 192.
- ⁵⁴ См. подробнее: *Gensicke K.* The Mufti of Jerusalem and the Nazis: The Berlin Years, 1941–1945. Edgware, 2011; *de Luca A. R.* “Der Großmufti” in Berlin: The Politics of Collaboration // *International Journal of Middle East Studies*. 1979. No. 1. P. 125–138.

⁵⁵ *Гилязов И. А.* На другой стороне. С. 193.

⁵⁶ См. об этом: *Mallmann К.-М., Cüppers М.* Halbmond und Hakenkreuz. S. 104–119.

⁵⁷ За Родину. 1942. 25 дек.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. 1944. 14 мая.

⁶¹ Там же. 1942. 14 окт.

⁶² Там же.

⁶³ См. об этом: *Heine P.* Die Mullah-Kurse der Waffen-SS // *Fremdeinsätze: Afrikaner und Asiaten in europäischen Kriegen; 1914–1945* / Hrsg. Gerhard Höpp und Brigitte Reinwald. Berlin, 2000. S. 181–188.

⁶⁴ Цит. по: *Гилязов И. А.* На другой стороне. С. 202.

Статья поступила в редакцию 12 декабря 2019 г.

Рекомендована в печать 5 марта 2020 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Ковалев Б. Н., Феферман К. М. Исламский и тюркский факторы в нацистской пропаганде на оккупированной территории России (1941–1944 годы) // *Новейшая история России.* 2020. Т. 10, № 2. С. 348–365. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.205>
УДК 94(47).084.8

Аннотация: В статье рассматриваются направления в пропаганде нацистской Германии по исламскому и тюркскому вопросам. Такая пропаганда велась среди населения Северо-Запада России в период гитлеровской оккупации 1941–1944 гг. Статья основана на анализе газет оккупационного периода, издававшихся в этом регионе немецкой администрацией, а также на опубликованных вторичных источниках. Вопреки тому что данная тематика, казалось бы, не представляла интереса для местного населения, она тем не менее занимала существенное место среди вопросов, затрагиваемых оккупационной прессой. Особый упор делался на знакомство аудитории с положением ислама в Крыму — на единственной советской территории со значительным мусульманским населением, полностью оккупированной Германией и превращенной в витрину нацистской пропаганды по исламскому вопросу. Внимание также уделялось невыносимому, согласно подаче немецкой пропаганды, положению мусульман во внутренних советских областях (Средняя Азия), а также панисламской тематике, в частности деятельности Великого муфтия Иерусалима аль-Хусейни. Все эти темы объединялись одной идеей — естественной поддержкой ислама и мусульман в СССР нацистской Германией и таким же естественным антагонизмом между исламом и мусульманами, с одной стороны, и Советским государством — с другой. Кроме того, немецкая пропаганда на оккупированных советских территориях придавала значение тюркскому фактору, подчеркивая роль Турции как государства, близкого по духу Германии, а также советским мусульманам тюркского происхождения. Однако заигрывание нацистов с исламом в значительной степени было лицемерием, подчиненным прагматическим военно-политическим целям.

Ключевые слова: нацистская Германия, оккупация, СССР, Россия, пропаганда, ислам, мусульмане, пантюркизм.

Сведения об авторах: *Ковалев Б. Н.* — д-р ист. наук, вед. науч. сотр., Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия); bnkov@mail.ru | *Феферман К. М.* — PhD, ст. преп., руководитель Центра по изучению Холокоста, Ариэльский университет (Ариэль, Израиль); kiriru14@hotmail.com

Санкт-Петербургский институт истории РАН, Россия, 197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская, 7
Ариэльский университет, Израиль, 40700, Ariel, Kiryat Hamada

FOR CITATION

Kovalev B. N., Feferman K. M. 'Islamic and Turkic Factors in the German Propaganda in the Occupied Territory of Russia (1941–1944)', *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 2, 2020, pp. 348–365. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.205> (In Russian)

Abstract: The article deals with several topics raised in Nazi Germany's propaganda about Islamic and Turkic issues directed at the population of occupied northwest territories in 1941–1944. The article analyzes newspapers published by the occupation administration in this region, as well as the published secondary sources. On the face of it, these topics were of little interest to local readers, yet they occupied a sizable place among topics handled by the media run by the occupation regime. A special emphasis was laid on familiarizing readers with conditions of Islam in the Crimea, the only Soviet area with a sizable Muslim population that was occupied by Germany. The region was showcased by Nazi Islamic-themed propaganda. In addition, propaganda also dealt with "unbearable" conditions of Muslims in the Soviet hinterland (Central Asia), and pan-Islamic issues, such as the activities of the Grand Mufti of Jerusalem, Hadj Amin al-Husseini. One idea ran through all these themes: the natural support of Islam and Muslims for Nazi Germany, and the equally natural antagonism between Islam/Muslims and the Soviet state. German propaganda also put a premium on the Turkic factor by emphasizing the role played by Turkey, a country spiritually close both to Germany and Soviet Muslims of Turkic descent.

Keywords: Nazi Germany, occupation, USSR, Russia, propaganda, Islam, Muslims, Pan-Turkism.

Authors: *Kovalev B. N.* — Dr. Sci. in History, Leading Researcher, St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); bnkov@mail.ru | *Feferman K. M.* — PhD, Senior Lecturer, Head of the Holocaust History Center, Ariel University (Ariel, Israel); kiriru14@hotmail.com

St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences, 7, Petrozavodskaya ul., St. Petersburg, 197110, Russia

Ariel University, Kiryat Hamada, Ariel, 40700, Israel

References:

- Akhmadullin V. A. 'The Activities of the Soviet State to Arrange Hadj of Soviet Muslims in 1944', *Vlast'*, no. 6, 2013. (In Russian)
- Dallin A. *German Rule in Russia 1941–1945: A study in occupation Policies* (London — New York, 1957).
- De Luca A. R. "Der Großmufti" in Berlin: The Politics of Collaboration', *International Journal of Middle East Studies*, no. 1, 1979.
- Dickinson A. 'Quantifying Religious Oppression: Russian Orthodox Church Closures and Repression of Priests 1917–41', *Religion, State & Society*, no. 4, 2000.
- Feferman K. *The Holocaust in the Crimea and the North Caucasus* (Jerusalem, 2016).
- Feferman K. 'A Soviet Humanitarian Action?: Centre, Periphery and the Evacuation of Refugees to the North Caucasus, 1941–1942', *Europe-Asia Studies*, no. 5 (July), 2009.
- Fischer-Werth K. *Amin al-Husseine — Großmufti von Palästina* (Berlin, 1943).
- Gainetdinov R. B. *Turkic-Tatar Political Emigration: Early 20th Century — 1930s. Historical Essay* (Naberezhnye Chelny, 1997). (In Russian)
- Galiakbarova N. M. *Soviet-Turkish Relations in 1939–1941* [Candidate of History Dissertation] (Ekaterinburg, 2006). (In Russian)
- Gasany J. P. *USSR — Turkey: From Neutrality to the Cold War, 1939–1953* (Moscow, 2008). (In Russian)
- Gensicke K. *The Mufti of Jerusalem and the Nazis: The Berlin Years, 1941–1945* (Edgware, 2011).
- Gilliazov I. A. *On the Other Side: Collaborators in the Midst of Volga-Ural Tatars during the Second World War* (Kazan, 1998). (In Russian)
- Heine P. 'Die Mullah-Kurse der Waffen-SS', *Fremdeinsätze: Afrikaner und Asiaten in europäischen Kriegen; 1914–1945*, eds G. Höpp, B. Reinwald (Berlin, 2000).
- Herf J. *Nazi Propaganda for the Arab World* (New Haven, 2009).
- Herf J. 'Arabischsprachige nationalsozialistische Propaganda während des Zweiten Weltkriegs und des Holocaust', *Geschichte und Gesellschaft*, no. 3, 2011.
- Höpp G. 'Der Gefangene im Dreieck. Zum Bild Amin al-Husseinis in Wissenschaft und Publizistik seit 1941. Ein bio-bibliographischer Abriss', *Eine umstrittene Figur: Hadj Amin al-Husseini. Mufti von Jerusalem*, ed. by R. Zimmer-Winkel (Trier, 1999).

- Ihrig S. *Atatürk in the Nazi Imagination* (Cambridge, Mass., 2014).
- Kabha M. 'The Palestinian national movement and its attitude toward the Fascist and Nazi movements 1925–1945', *Geschichte und Gesellschaft*, no. 3, 2011.
- Kehoe T.J. 'Fighting for our mutual benefit: understanding and contextualizing the intentions behind Nazi propaganda for the Arabs during World War Two', *Journal of Genocide Research*, no. 2, 2012.
- Kovalev B. N. *Collaboration in Russia in 1941–1945: Types and Forms* (Veliky Novgorod, 2009). (In Russian)
- Law R.W. 'Runner-up: Japan in the German mass media during the 1936 Olympic Games', *Southeast Review of Asian Studies*, vol. 31, 2009.
- Mallmann K.-M., Cüppers M. *Halbmond und Hakenkreuz. Das "Dritte Reich", die Araber und Palästina* (Darmstadt, 2006).
- Manley R. *To the Tashkent Station: Evacuation and Survival in the Soviet Union at War* (Ithaca, New York, 2012).
- Marchenko O. E. *Muslim Clergy of the North-Western Caucasus in the Steppe Area around the Caucasus in the System of State-Clerical Relationship in the 1920–1930s* [Candidate of History Dissertation] (Stavropol, 2008). (In Russian)
- Motadel D. *Islam and Nazi Germany's war* (Cambridge, Mass, 2014).
- Nicosia F. R. *Nazi Germany and the Arab World* (New York, 2014).
- Roth K. H. 'Berlin — Ankara — Baghdad: Franz von Papen and German Near East Policy During the Second World War', *Germany and the Middle East, 1871–1945*, ed. by W. G. Schwanitz (Princeton, 2004).
- Schmitz P. *Moskau und die islamische Welt* (München, 1938).
- Shtyrkina O. *Mediale Schlachtfelder: Die NS-Propaganda gegen die Sowjetunion (1939–1945)* (Frankfurt am Main — New York, 2018).
- Tasar E. *Soviet and Muslim: The Institutionalization of Islam in Central Asia* (New York, 2017).

Received: December 12, 2019

Accepted: March 5, 2020